

НЕАКАДЕМИЧЕСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Галкин А.А. Размышления о политике и политической науке. – М.:

Издательство «Оверлей», 2004. – 278 с.

шолтца

Среди многочисленных политологических трудов, вышедших за последнее время в наших издательствах, заметное место по праву принадлежит скромно оформленной книжке патриарха российской политической науки Александра Абрамовича Галкина – одного из тех ученых, благодаря которым советское обществоведение, невзирая на все усилия правозверных стражей официальных догм, все-таки смогло в свое время избежать превращения в бесплодную пустыню. В постсоветское время, когда политологическая мысль получила, наконец, у нас свободное развитие, маститый ученый с молодым задором включился в дискуссию о закономерностях и путях развития российского общества. Он не только предложил собственные подходы к дебатированным проблемам, но и активно противостоял мутному потоку конъюнктурных псевдополитологических поделок на злобу дня. При этом он никогда не терял той связи с быстро меняющейся конкретикой общественно-политической жизни, которая не дает научным концепциям превратиться в собрание застывших схоластических формул.

Рецензируемая книжка представляет собой своего рода итог – возможно, еще не окончательный – десятилетних исследований А. А. Галкина, проведенных им самостоятельно или в содружестве с профессором Ю.А.Красиным, сердцевиной которых стал анализ общественно-политических судеб новой России, предпосылок и путей развития демократии в российском обществе, сложностей и препятствий на ее пути. В книгу частично вошли уже опубликованные в малотиражной печати материалы. Получился сборник, но сборник с четким стержнем, определяемым «стремлением осмыслить и оценить некоторые важные общественно-политические процессы, происходящие в мире, и сопоставить их с теми, которые прослеживаются сейчас в России» (с. 7).

Замысел потребовал предпослать основной части сборника, делящейся на главки, посвященные отдельным темам (глобализация, авторитаризм, федерализм, государство, гражданское общество и т. д.), теоретическую часть, в которой рассматриваются контуры общей модели взаимоотношений индивида, общества и власти. Однако это все, что угодно, только не сухая теория: здесь бьется тот же нерв напряженных размышлений о российских судьбах, именно ими определен отбор тем, концепций и гипотез, наличествующих в этом разделе.

Главные! объект, подвергающийся здесь рассмотрению, отнюдь не институты и структуры мира политики, но *взаимоотношения* и *взаимодействия*, существующие в политическом поле. Именно в этом вслед за видными социологами прошлого – Г.Зиммелем, Г.Тардом, П.Сорокиным и другими – видит автор книги стержневую проблему политического, подчеркивая притом, изменчивость исследуемого объекта, равно как и его несводимость к формализованным коммуникационным каналам. Уместность такого подхода особенно очевидна в России, где взаимоотношения индивида, общества и власти издавна являются большим вопросом, где политические и общественные структуры нередко становятся картонными декорациями, прикрывающими диктат государства, а формальные каналы взаимодействия индивидов и власти столь же часто – пересохшими ручейками в пустыне.

Не случайно также отправным моментом в излагаемой А.Галкиным теоретической модели становится проблема стабильности, являющаяся не только одним из определяющих звеньев в проблематике политологии, но и ключевым вопросом для современного российского общества. Наконец, вполне оправдано и с точки зрения теории, и с точки зрения переживаемого нами исторического периода, выделение в качестве важнейшей категории «политического капитала» (термин П.Бурдьё) суммы общественного доверия по отношению к институтам политической власти и руководящим им лицам.

В теоретической модели А.Галкина важную роль играют и еще два понятия – «гражданское общество» и «политическая культура».

Сложный термин «политическая культура», возникший на стыке политологии, культурологии и социальной психологии, как и многие другие, получил в литературе великое множество определений. Нередко один и тот же автор на протяжении нескольких страниц дает разные его дефиниции. Стремясь преодолеть многозначность этого понятия, А. Галкин сначала дает развернутое определение («спрессованный в общественном сознании институционализированный и неинституционализированный исторический и социальный опыт национальной или наднациональной общности, оказывающий определяющее воздействие на формирование ценностных систем, общественных ориентаций и, в конечном итоге, на поведение индивидов, малых и больших социальных групп» – с. 29), а затем уточняет, что этот опыт передается из поколения в поколение не в «чистом» виде, а через совокупность закрепляющих его идеологических представлений, норм и ценностей (с. 30). Тем не менее, определение политической культуры через общественный опыт представляется плодотворным, так как, с одной стороны, оно подчеркивает инерционность этого феномена, а с другой – его изменчивость с приобретением нового опыта. Для России эта его сторона имеет особое значение.

Гражданское общество рассматривается А.Галкиным в качестве посредника между совокупностью индивидов и властными

политическими структурами. Совершенно справедливо подчеркивается, что только через взаимодействие с государством гражданское общество становится действенным механизмом общественной системы (с. 23).

Из песни слова не выкинешь, рецензент не может умолчать и о частых несогласиях с автором. У А.Галкина, на мой взгляд, иногда исчезает разница между гражданским обществом и обществом вообще, или, строго говоря, структурированным обществом, особенно там, где речь идет о возможной отрицательной роли его структур. Между тем вряд ли можно причислять «красные бригады», мафию или организованную преступность к структурам гражданского общества. Разумеется, и помимо таких так называемых «грязных сообществ» в деятельности конкретных общественных объединений могут возникать эгоистические и даже асоциальные мотивы. Но суть гражданского общества в том и состоит, что его структуры, как подчеркивал Ф.Шмиттер, согласны действовать в рамках заранее установленных правил «гражданского», т. е. правового характера, и в ходе контактов с государством и другими структурами приходят к согласованию интересов.

«В кризисных ситуациях, когда государство ослаблено, – пишет А.А.Галкин, – возможно, в частности, стихийно-разрушительное давление гражданского общества, которое в состоянии подорвать способность власти решать свойственные ей задачи. В такие периоды гражданские структуры склонны брать на себя не входящие в их функции властные полномочия, что чревато анархией, а также использованием присвоенных полномочий в качестве рычага не столько общенациональных, сколько групповых интересов» (с. 26).

Жаль, что не приведены примеры, хотя их нетрудно и домыслить. Однако не оставляет впечатление, что это не единственно возможный вариант кризисной роли гражданского общества. Напомним известное высказывание А.Граммши: «На Западе между государством и гражданским обществом были упорядоченные взаимоотношения, и если государство начинало шататься, тотчас выступала наружу прочная структура гражданского общества. Государство было лишь передовой траншеей, позади которой была прочная цепь крепостей и казематов; конечно, это относится к тому или иному государству в большей или меньшей степени, и именно этот вопрос требует тщательного анализа применительно к каждой нации»¹.

Конечно, высказывание Граммши, как он сам подчеркивает, относится к тем странам, в которых гражданское общество уже устоялось, имеет вековую историю – к странам Запада. В переходных обществах, к которым относится современная Россия, где отношения между общественными и политическими структурами еще не упорядочены, на первом плане, особенно если смотреть «сверху», со стороны государства, действительно может оказаться хаотизирующая, дезорганизующая роль общественных структур. Однако в практике

¹ Граммши А.
Избранные произведения.
М., 1959. Т. 3.
С. 200.

государственной власти тут легко впасть в непростительную ошибку. За беспорядочной вольницей не увидеть совершенно необходимого обществу потенциала «низовой» инициативы и энергии, приглушить его слишком ретивыми усилиями выстроить и поставить под контроль.

Но существует ли в России вообще гражданское общество? А.Галкин здесь, естественно, на стороне тех, кто считает, что оно есть, убеждение, что гражданское общество не обязательно должно быть «хорошим», помогает ему утвердиться в этом мнении. Больше того, он даже убежден, что в деформированном виде оно существовало и при советской власти. Боюсь, что в этом случае понятие гражданского общества становится совсем расплывчатым. Ведь одним из критериев отнесения общественных ассоциаций к структурам гражданского общества является их автономность от государства². Все «общественные» организации Советского Союза были на деле огосударствлены. Те зародыши «низовой» инициативы, которые существовали в их рамках, находились под плотным контролем «сверху».

² См. *Гражданское общество в России: структуры и сознание*. М., 1998. С. 8.

Разумеется, А.А.Галкин абсолютно прав, считая, что «Россия пока не имеет такого гражданского общества, в котором нуждается» (с. 81), что она не составляет целостной системы, не существует эффективных механизмов воздействий гражданского общества на процесс принятия решений. Мне кажется, однако, что возможности преодоления такого положения в рецензируемой книге несколько переоценены.

Справедливо опровергая представления о том, что выработанная у русского народа в условиях тяжелого гнета и крепостного рабства привычка к подчинению и терпению исключает выработку гражданской культуры, А.А.Галкин ссылается на многочисленные в русской истории бунты и смуты, выработавшие, по его мнению, «стремление к самостоятельности в решениях и действиях», а также «готовность к объединению с себе подобными против барства». Он делает на этом основании очень спорный вывод, что предпосылки для становления зрелой гражданственности в России «ничуть не слабее, чем в других странах, в том числе гордящихся своей цивилизованностью» (с. 71).

Увы, возникающие время от времени бунтарские вспышки – не слишком надежная основа для создания подобных предпосылок, которые вырабатываются лишь повседневной практикой сопротивления произволу и насилию. Что же касается способности к объединению, то ее дефицит, похоже, сейчас заметнее, чем столетие назад. На той же странице приводится, на мой взгляд, гораздо более точная характеристика противоречивости русского национального характера: «Здесь терпеливость и нетерпимость, покорность и бунтарство, пассивность и взлеты крайней активности, нередко выходящей за рациональные рамки» (с. 71).

Отсюда – трудности вызревания демократии в России, противодействия глубоко укоренившимся авторитарным привычкам. А.А.Галкин и его постоянный соавтор Ю.А.Красин положили в последнее десятилетие немало сил, дабы доказать необходимость для современной России демократического построения политической власти, никогда не поддаваясь соблазнам оправдания авторитарных популизмов³. Раздел об авторитаризме присутствует и в рецензируемой книге. Он опять-таки сосредоточен на российских проблемах, на анализе причин сползания общественного мнения к авторитарным симпатиям, взвешивании возможностей и опасностей авторитаризма. А.А.Галкин подчеркивает, что причина этого сползания – «прежде всего, в социальной напряженности, возникшей последние годы в России, в идейной дезориентации, поразившей массовое сознание, в разочаровании населения в эффективности той системы власти, которую оно восприняло как демократическую» (с. 165). Афористичен его вывод: «приверженность авторитаризму – в значительной степени последний довод растерянных и отчаявшихся» (там же).

Научная объективность заставляет исследователя констатировать определенные мобилизационные возможности автократий в условиях войн или развала общественных структур. Рассматривает автор книги и аргументацию сторонников «авторитарного опекунства» как инструмента перехода к рыночному обществу. Но, признавая консолидирующие способности авторитарной власти, он считает такой режим «лекарством, которое опаснее болезни» (с. 163). Ни российский, ни зарубежный опыт, указывает он, не дает оснований для надежд, что «просвещенный» авторитаризм решит хотя бы те текущие проблемы общества, и тем более он не в состоянии системно решить серьезные задачи, стоящие перед страной.

Констатируя нарастание авторитарных тенденций, А.А.Галкин находит, тем не менее, аргументы, позволяющие надеяться на известное из ограничений. Из трех возможных вариантов («мягкая, квазидемократическая модель авторитарного режима; более суровый вариант, предполагающий подавление оппозиции, роспуск парламента, ограничение политических свобод; и, наконец, жесткий авторитаризм на грани тоталитаризма, предусматривающий плотный государственный контроль над всеми сферами общественной жизни») он все-таки считает наиболее вероятным первый. По его определению, это не столько юридически оформленный автократический режим, сколько «авторитарная ситуация» (может быть, удачнее было бы сказать «авторитарная практика») – фактическая узурпация власти государственной бюрократией при симулировании демократических процедур.

Опасность такого состояния – в незакрытой возможности превращения в институционально оформленный авторитаризм. Но как тонкий аналитик А.Галкин видит и другую опасность – в постоянном

³ См также их работы, как «Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития» (М., 1998) или «Россия? Quo vadis?» (М., 2003).

привыканию к авторитаризму, застойности, инерционности двусмысленного гибридного состояния – инерционности, которая станет трудно преодолимым препятствием для оздоровления общества.

И все же, как гражданин и патриот, он надеется на постепенное преодоление этой двусмысленности в сторону, обратную авторитарному вырождению. Для начала, указывает он, необходимо хотя бы минимизировать авторитарный откат. Как ни велика неготовность российского общества к демократии, не готово оно и пожертвовать ставшими уже привычными демократическими правами. Авторитарный откат затрудняет вхождение России в мировое сообщество, в котором заинтересована и наша элита. Но главным направлением противодействия авторитаризму, считает А.А.Галкин, являются усилия, направленные на преодоление нынешнего системного кризиса российского общества.

Сознавая важность вклада, который могут и должны внести в эти усилия государственные гражданские общества, Галкин предлагает рецепт объединения возникающих очагов демократического сопротивления (территориально-самоуправленческих, правозащитных, экологических, профессиональных и т. п.) на платформе борьбы за морально-нравственное оздоровление и обновление общества. При всей кажущейся наивности и утопичности этой идеи она вполне способна, как мне кажется, при некоторых условиях (активизация нового поколения молодежи, выдвижение новых ярких фигур интеллектуального поля, более широкое использование новых информационных возможностей) стать знаменем того общественного движения, которое рано или поздно нарушит монотонность сегодняшнего общественного застоя.

Следует, однако, оговориться, что наиболее прочной основой демократического движения может стать осознание тесной связи между демократией и защитой конкретных интересов различных социальных слоев. До сих пор в отстаивании этих интересов россияне предпочитали различного рода неинституционализованные индивидуальные пути, основанные на личных отношениях и «теневых» методах. Лишь опыт, не исключено, горький опыт, может показать им недостаточность и коренную порочность этих методов. Именно тогда и могут обрести широкий резонанс призывы к морально-этическому обновлению общества.

А.А.Галкин ставит в связи с этим проблему идеологии демократического движения. Казалось бы, в век постмодернизма и деидеологизации налицо вопиющий анахронизм. Но о неисчерпанности применительно к России идеологического ресурса как политически мобилизующей и организующей силы говорят в последнее время и авторы, подчеркивающие исторический закат идеологий во всемирном масштабе (например, А.И.Соловьев).

Это предполагает внимание и к идеологиям, подпитывающим движение к авторитарному строю. В сборнике содержатся статьи,

посвященные этнонационализму и фашизму. Пафос первой из них – подчеркивание коренного отличия современного национализма от классического варианта, состоящего в перенесении акцента с идеи нации как территориальной, культурной и реально или потенциально государственной общности на идею этноса как инварианта, основанного на единстве «крови». Отсюда и обозначение нового национализма как «этнонационализма» (предтечей которого был национал-социализм с его «расовой чистотой»).

А.А.Галкин указывает на быстрое размывание сложившейся традиционалистской культуры, резко возросшие в эпоху глобализации масштабы перемещения людских потоков, как на органическую причину этнонационализма. По его мнению, нельзя объяснять обострение этнополитических конфликтов только возникающими в результате этих проявлений глобализации угрозами разрушения национальной идентичности. Часто эти конфликты являются сублимацией социальной напряженности, вызванной неравным доступом к общественному богатству. Лишь совокупность причин может считаться достаточным объяснением происходящего роста этнонационализма.

Соглашаясь с этим подходом, можно только добавить, что к числу причин относится и гораздо более тесное, благодаря резко интенсифицировавшемуся воздействию массовой культуры, соприкосновение разных национальных традиций и психологических и поведенческих образцов, вызывающее не только консервативную реакцию, но и стремление – в качестве «симметричного ответа» – к культурной и конфессиональной агрессии. Исламский фундаментализм и экстремизм – явления этого ряда.

Но угрозу для России, как показывает Галкин, представляет не только воинствующий исламизм, но и националистическая волна, поднимающаяся среди самого русского народа, частично как реакция на этнонационализм других народов бывшего Советского Союза, а в гораздо большей мере как проявление ущемленного всеми постсоветскими бедами национального достоинства.

В книге подчеркивается, что для предотвращения этих опасностей необходимо учитывать и позитивную сторону роста этнического самосознания: «упор на национальную самобытность, при всех его слабых сторонах, представляет собой важное препятствие на пути превращения глобализации общественного развития, мировой культуры в их унылое усреднение, сопровождаемое потерей многокрасочного своеобразия групповых, в том числе этнических, форм самовыражения» (с. 103).

В качестве институционального выражения внимания к позитивным сторонам возрастания этнического самосознания А.А.Галкин предлагает воплощение в жизнь принципов обновленного федерализма. Его суть, по А.А.Галкину – в выходе за рамки чисто институционального его понимания как специфической организации

государственных структур, нацеливание его на достижение такого социального порядка, который позволяет достичь единства через многообразие. Исследователь посвящает специальную статью эволюции принципов и структур федерализма, в которой рассматривает и соотношение федерализма с демократией. Он показывает, что хотя федерализм не всегда органически связан с демократией, тем не менее, он делает еще более острой потребность в усилиях, направленных на демократизацию общества.

Изъяны российского федерализма (на мой взгляд, его следовало бы назвать квазифедерализмом) в последнее время не критикует лишь ленивый. А.А.Галкин не останавливается на этом рубеже, заявляя, что многие отрицательные моменты в этой сфере объясняются игнорированием федеральным центром региональной составляющей общественных отношений (с. 129). Управление общественными процессами осуществлялось методами, характерными либо для унитарного государства (почти всегда, добавим мы), либо для конфедерации (строго говоря, лишь в исключительный период начала и середины 90-х гг., связанный с ослаблением государства). Для автора книги ясна необходимость реформ в этой сфере, и он благожелательно излагает выводы специальной комиссии при президенте, которая готовила предложения по совершенствованию федеративных отношений. А.А.Галкин резервирует оценку реформы системы избрания глав регионов, поскольку к выходу книги практика фактического назначения руководителей субъектов Федерации еще не успела показать себя. Мы знаем теперь, однако, что преобразование территориального управления практически пошло в сторону централизации, что серьезно расходится с рекомендациями автора, да во многом и с выводами упомянутой комиссии.

Многие шаги нынешней власти предпринимаются под флагом консерватизма, долженствующего, по мысли его адептов, обеспечить России стабильность, вернуть уважение к традициям. А.А.Галкин, как и многие другие, обращающиеся к этой теме, прослеживает основные вехи богатой истории консервативных идей – от Ж. де Местра и Э.Берка до Д.Белла и Х.Шельски, подчеркивая динамизм этого идеологического течения, его гибкое приспособление к меняющимся общественным условиям. Важно то отмечаемое Галкиным обстоятельство, что в дореволюционной России консервативная мысль никогда не оттеснялась на научную и политическую обочину, была составной частью официальной идеологии.

Тем самым возрождение консерватизма в современной России становится как бы восстановлением прежней традиции. А.А.Галкин считает, что консервативные установки и ориентации пустили в общественном сознании глубокие корни, и, по крайней мере, внешне для консервативного проекта в России существуют благоприятные возможности. Консервативные ценности все заметнее врастают во все сложившиеся ценностно-идеологические системы.

На деле же, отмечает он, все гораздо сложнее. Консерватизм населения современной России основан не столько на осознанных интересах, сколько на поверхностном слое массовой психологии – настроениях, эмоциях, которые связаны с ностальгией по прошлому, порожденной негативными последствиями политики 90-х годов. Ни один вариант консервативного проекта, взятый в его целостности, не находит безоговорочной поддержки в массах населения. К сожалению, научная честность автора останавливает здесь рассуждение, в самом деле, предсказать дальнейшее развитие этого противоречия довольно трудно. Было бы интересно, однако, какие варианты выхода из этого парадоксального положения видит автор.

Это тем более интересно, что, как видно из другой статьи сборника, А.А.Галкин отчетливо видит потенциал праворадикального варианта разрешения кризисной ситуации в нашей стране, связанного с идеологией и политикой фашизма.

Как известно из истории, фашизм нередко спекулировал на возбужденных социальным кризисом и эмоциях населения. Важно, что автор книги развеивает миф об устойчивом иммунитете российского населения к фашизму, не без основания указывая на его ослабление. К этому можно было бы добавить, что и сам иммунитет в силу исторических причин был недостаточно полноценным: фашизм был в первую очередь обозначением жестоких иноземных захватчиков, серьезного понимания сущности фашистской диктатуры в условиях сталинского режима сложиться не могло. Предупреждает А.А.Галкин и об ошибочности представления о буквальном воспроизведении фашистского феномена в прошлом обличье. Он с тревогой констатирует, что в России «налицо совокупность обстоятельств, которые в свое время подводили другие страны к порогу фашистского переворота и, при определенных предпосылках, обеспечивали его успех» (с. 157).

Тревогу А.А.Галкина нельзя не разделить. В современной России действительно сложилось немало предпосылок вероятного быстрого усиления фашистской угрозы. Это и латентный кризис власти, и рост социального напряжения, и национал-державнический настрой основного кадрового состава силовых структур, и растущая бытовая ксенофобия, и размножение ячеек скинхедов и других националистических организаций, и явное бессилие и бесплодие демократической общественности, неспособной предложить стране свой вариант выхода из положения. Конечно, до массовой мобилизации под праворадикалистские знамена еще далеко, в народной психологии пока что преобладает трезвый и прагматический настрой, не благоприятствующий агрессивным и истерическим порывам фашистского толка. Однако все может измениться в условиях социально-экономического кризиса, возникновение которого в обозримом будущем хотя и маловероятно, но совсем не исключено. Поэтому жаль, что автор книги, столь подробно и убедительно перечисливший причины

ослешения фашистской угрозы, не уделил сколько-нибудь места для анализа условий, которые могут воспрепятствовать реализации этой угрозы.

В книге нет и попытки оценить историческую судьбу и перспективы такой противостоящей фашизму идеологии, как либерализм. Зато в ней высказана значительно отличающаяся от принятой большинством точка зрения на будущее социалистической идеи. А.А.Галкин решительно отказывается списать ее в исторический архив. Он апеллирует к неистребимости извечной мечты человечества о лучшем будущем, равно как и к видоизменяющейся, но остающейся постоянной характеристикой социальной дифференциации общества, которая порождает у представителей низших страт стремление к поиску альтернативных форм устройства социума.

А.А.Галкин убежден, что интерес к ответам на вызовы времени в духе социализма после периода неудач постепенно вновь возрастает в самых разных регионах мира. Этот вывод может быть оспорен. Но убедительно звучит другой вывод исследователя о *политико-прагматических* функциях социалистической идеи: мобилизационной (мобилизация массовых групп на усилия по модернизации), перераспределительной (уравнивание в правах и уменьшение поляризации материальных условий) и структурно-преобразующей (возрастание коллективной самоорганизации и преобразование общественного организма в духе рациональности).

В этих направлениях действительно проявилось положительное историческое значение социалистических идей. Потерпев поражение в попытке прямой, лобовой реализации общественного идеала, социализм стал мощной прививкой к основному стволу исторического дерева, сильно видоизменив его развитие. Одним из инструментов этого измерения стала международная социал-демократия, эволюции которой посвящены несколько страниц книги.

Ни одно современное исследование не может обойтись без рассмотрения влияния глобализации на изучаемые объекты. Не составляет исключения и труд А.А.Галкина. Вслед за У.Беком Галкин отличает *глобализацию* как объективный процесс от *глобализма* как порожденной ею системы ценностей, своего рода идеологии, освещающей нынешний этап глобализации, с порога отбрасывающей мысль о возможности различных ее типов. В отличие от некоторых отечественных аналитиков неolibерального толка автор книги считает серьезным явлением движение противников сегодняшнего варианта глобализации, которых он именует «иноглобалистами» (русификация их самоназвания «альтерглобалисты», которое они противопоставляют поверхностному журналистскому термину «антиглобалисты», искажающему сущность их требований). Признавая разнородность движения и наличие в нем деструктивного и фундаменталистского меньшинств, А.А.Галкин справедливо, на мой взгляд, сопоставляет роль «иноглобализма» с исторической ролью рабочего движения,

заставившего дикий, примитивный капитализм превратиться в современный, социально ориентированный. Будущее покажет, оправдали ли интоглобалистское движение эти ожидания.

Не разделяет А.А.Галкин и широко распространенного взгляда, согласно которому глобализация размывает прерогативы национального государства, передавая многие его функции наднациональным структурам. По его мнению, можно говорить лишь о корректировке этих функций, при этом на некоторых направлениях роль государства даже усиливается. Так, по мере углубления глобализации происходит опасное размывание системы социальных гарантий, а ввиду отсутствия наднациональных органов, способных перенять эти функции, единственным гарантом в этой сфере остается национальное государство. Поскольку наднациональные институты представляют собой сферу, закрытую от демократического контроля, «перед национальным государством возникает необходимость практического решения двуединой задачи: защиты национально-государственных очагов демократии от транснациональных источников авторитаризма, с одной стороны, и ее развития в таких формах, которые сочетали бы укрепление целостности мирового сообщества с расширением и раскрытием потенциала самобытности различных разновидностей демократии, с другой» (с. 252).

В связи с этим Галкин снова подчеркивает важность усиления и развития гражданского общества. Нормальное развитие общества в эпоху глобализации возможно лишь при оптимальном сочетании влияния государства и гражданских институтов. В России, заключает он, такое сочетание пока не найдено: эффективного гражданского общества не существует.

* * *

По прочтении книги А.А.Галкина невольно возникает ряд мыслей, уже не относящихся непосредственно к ее содержанию. Прежде всего, «размышления» автора – хорошее доказательство того, что доступность и свобода изложения отнюдь не препятствие для серьезного анализа. Во-вторых, это одно из свидетельств достойного в мировом масштабе уровня той части нашей политической науки, которая не ограничивается ролью простого ретранслятора достижений западной политологии и стремится извлечь новые и значимые уроки из опыта постсоветского развития. Наконец, не случаен, как представляется, постоянный выход автора за рамки чисто политологических материй, его экскурсы в историю, социологию, социальную психологию. Тем самым преодолевается специфическая узость предмета политологии, которая при слишком строгом следовании ее канонам не позволяет, на мой взгляд, до конца раскрыть закономерности развития политической сферы, слишком тесно сопряженной с другими сферами общественного бытия.